ISSN:2828-6235
Impact factor:13.77

International Journal of Literature and Language Studies(IJLLS)

МЕХАНИЗМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАНОНИЗАЦИИ: А. С. ПУШКИН И АЛИШЕР НАВОИ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Косимова Мадинабону Шухратовна

Азиатский Международный Университет

kasimovamadina1701@gmail.com

DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.24487693

Аннотация. В статье рассматривается процесс превращения писателя в символическую фигуру, вокруг которой выстраивается национальная культурная система. Материалом служат судьбы двух авторов, разделённых эпохой, языком и литературной традицией, - А. С. Пушкина и Алишера Навои. Сопоставление проведено с опорой на теорию литературного канона и социологию литературы. Показано, что при всей несхожести исходных условий канонизация обоих поэтов шла через близкие институциональные каналы: критику, школу, юбилейные кампании, мемориальную топонимику и государственную культурную политику. Различия касаются прежде всего того, какую функцию выполняла фигура поэта: для русской культуры Пушкин стал точкой отсчёта литературного языка, для узбекской Навои - доказательством глубины и непрерывности письменной традиции.

Ключевые слова: литературный канон, канонизация, национальный поэт, культурная память, Пушкин, Алишер Навои, юбилей, советская культурная политика.

Вопрос о том, как писатель становится «классиком», долгое время решался в литературоведении как бы сам собой. Предполагалось, что художественное совершенство текста рано или поздно обеспечивает ему место в памяти потомков. Работы последних десятилетий заметно усложнили эту картину. Дж. Гиллори предложил видеть в каноне форму «культурного капитала», которая воспроизводится прежде всего школой [14]. П. Бурдьё показал, что признание внутри литературного поля есть результат борьбы и согласования позиций [4]. В отечественной науке сходные идеи развивали Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин, рассматривавшие литературу как социальный институт со своими способами отбора и передачи ценностей [7].

При таком взгляде статус национального поэта перестаёт быть натуральным свойством автора. Он складывается из множества действий: изданий и комментариев, школьных программ, памятников, переименований улиц и городов, торжественных дат. Именно здесь возникает основание для сравнения Пушкина и Навои, которое на первый взгляд кажется искусственным. Поэта XV века, писавшего на тюрки и фарси при дворе Тимуридов, и русского автора первой трети XIX века не связывают ни поэтика, ни литературные контакты. Однако в XX веке оба имени оказались встроены в одну и ту же модель культурной политики, которая требовала от каждой республики своего «великого классика».

Пушкинский миф изучен подробно [10; 16; 17], история освоения наследия Навои в советское время тоже привлекала внимание исследователей [12; 15]. Однако эти два сюжета, как правило, рассматриваются по отдельности, и общие для них механизмы остаются в тени. В настоящей статье предпринята попытка сопоставить пути, которыми Пушкин и Навои пришли к положению символических центров своих национальных культур, и понять, какие расхождения между ними объясняются историей каждой из этих культур.

Материал для сопоставления дают прежде всего тексты, в которых складывалась репутация обоих поэтов. В русском случае это статья Н. В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине», работы Ап. Григорьева и пушкинская речь Ф. М. Достоевского [5; 6; 8], в узбекском - монография Е. Э. Бертельса и труды узбекских навоиведов [3; 11]. Не менее показательны материалы юбилейных кампаний: пушкинской 1937 года и навоиевской, которая готовилась к 1941 году. Нас при этом интересует не столько поэтика произведений, сколько то, кто, когда и какими средствами закреплял за писателем центральное место.

Под культурной памятью, вслед за Я. Ассманом, здесь понимается совокупность текстов, образов и ритуалов, через которые общество удерживает представление о себе [2]. Полезной оказывается и мысль Б. Андерсона о нации как «воображаемом сообществе», которое во многом держится на печатном слове [1]. Если приложить эти представления к интересующему нас материалу, становится видно, что канонизация редко сводится к одному решению или одному тексту: она накапливается постепенно, через критику, школу, юбилеи и городское пространство.

Случай Пушкина принято считать образцовым. Канонизация началась ещё при жизни поэта: Гоголь уже в середине 1830-х годов назвал его «явлением чрезвычайным» и увидел в нём русского человека «в его развитии» [5]. Смерть на дуэли в 1837 году усилила эту линию, добавив к ней мотив жертвы. В 1859 году Ап. Григорьев произнёс ставшее хрестоматийным «Пушкин - наше всё» [6]. Формула оказалась удобной именно своей широтой: к ней можно было апеллировать с очень разных идейных позиций.

Решающим общественным событием стало открытие памятника работы А. М. Опекушина в Москве в 1880 году. Речь Достоевского на этих торжествах придала поэту почти пророческое значение: в его «всемирной отзывчивости» Достоевский увидел суть русского характера [8]. С этого момента пушкинский юбилей превращается в жанр национального самоописания. С. Сэндлер показала, что каждая следующая юбилейная дата переписывала образ Пушкина под нужды своего времени [17].

Наиболее масштабным таким событием было столетие со дня гибели поэта в 1937 году. Кампания включала массовые тиражи, выставки, заседания в союзных республиках и переводы на языки народов СССР [16]. В том же году Детское Село было переименовано в город Пушкин. Ю. А. Молок, изучивший иконографию юбилея, обратил внимание на то, как изображение поэта встраивалось в официальную визуальную культуру эпохи [10]. Пушкин превращался из русского национального поэта в фигуру общесоюзного значения, на которую должны были ориентироваться другие литературы.

Не менее важную роль играла школа. Стихи Пушкина входили в хрестоматии ещё в гимназиях второй половины XIX века, но только советская школа сделала знакомство с ним по-настоящему всеобщим. Изучение поэта начиналось в младших классах со сказок и отдельных стихотворений и завершалось в старших «Евгением Онегиным». Тем самым Пушкин сопровождал ученика на протяжении всего обучения, и его строки усваивались раньше, чем возникала возможность их осмыслить. Такое раннее и многократное повторение, по сути, и превращает автора в часть общего языка, на котором говорит культура.

История Навои выглядит иначе. Его авторитет в тюркоязычном мире сложился задолго до появления наций в современном смысле. Такие сочинения, как «Хамса» и «Мухакамат аль-лугатейн», читались и переписывались на пространстве от Герата до Стамбула и Казани. Проблема заключалась не в том, чтобы сделать поэта известным, а в том, чтобы закрепить его за конкретной национальной традицией. А. Халид показывает, что уже

джадидские интеллектуалы круга Фитрата обращались к чагатайскому наследию как к основе новой идентичности [15]. В 1930-е годы эта линия получила официальное оформление: чагатайский литературный язык стали описывать как староузбекский, а Навои - как основоположника узбекской литературы [12].

Подготовка к 500-летию поэта, назначенному на 1941 год, во многом повторяла пушкинскую модель 1937 года. Готовились издания и переводы на русский язык, к работе были привлечены ведущие востоковеды. Война прервала празднование, но не сам процесс: в 1944 году вышел роман Айбека «Навои», в 1947 году имя поэта получил новый оперный театр в Ташкенте, а в 1948 году появилась монография Бертельса [3]. В 1958 году имя Навои было присвоено городу на месте прежней Кермине. После 1991 года, когда отмечалось 550-летие поэта, его фигура вошла уже в символику независимого Узбекистана, причём советские основания канона практически не пересматривались.

В школе положение Навои складывалось сложнее. Язык его произведений далёк от современного узбекского, и массовому читателю требовались адаптации, словари и комментарии. Поэтому знакомство с поэтом нередко шло не через сами тексты, а через пересказы, хрестоматийные отрывки из «Хамсы», роман Айбека и сценические постановки. Образ поэта-мыслителя, покровителя наук и искусств, в известном смысле опережал знание его сочинений. Для классика, отделённого от читателя несколькими веками, это обычная ситуация, но в узбекском случае у неё была своя особенность: именно через фигуру Навои значительная часть читателей впервые соприкасалась с классической тюркоязычной поэзией вообще.

Сходным образом действовала и топонимика. Имя Пушкина получили улицы, библиотеки и театры во многих городах бывшего СССР, в том числе в Ташкенте; имя Навои носят Национальная библиотека Узбекистана, улицы, учебные заведения и целый город. Память, закреплённая в названиях, обладает особым свойством: она перестаёт осознаваться как память. Человек, ежедневно проходящий по улице Пушкина или Навои, не обязательно читал этих поэтов, но имя становится для него частью привычного городского пейзажа. В этом смысле топонимика завершает процесс канонизации, переводя литературную репутацию в разряд само собой разумеющегося.

Всё сказанное позволяет говорить о двух разных траекториях, которые в советский период пересеклись. В русском случае канон складывался «снизу», в среде критиков и писателей, и лишь затем был подхвачен государством. К 1937 году официальная культура получила уже готовый символ и занималась скорее его интерпретацией и тиражированием. Навои же нужно было не столько возвести на пьедестал, сколько «перевести» из наднациональной системы персидско-тюркской словесности в рамки одной национальной литературы. Это была работа перекодировки, а не открытия.

Отсюда различие в самой функции «центра». Пушкин связан в русском сознании с началом: с ним ассоциируется сложение литературного языка и новой литературы. Ю. М. Лотман недаром писал о пушкинской биографии как о создании самого типа русского писателя [9]. Навои, напротив, выступает свидетельством древности и преемственности. Его имя нужно для того, чтобы показать: у узбекской литературы есть пятивековая история и она не уступает более старым письменным традициям. В такой перспективе трактат «Мухакамат аль-лугатейн», где тюркский язык сопоставляется с персидским, прочитывался почти как манифест языкового достоинства.

Стоит оговориться, что общесоюзная модель не стирала иерархии. Пушкин подавался как общее достояние, а Навои - прежде всего как гордость республики, и эта асимметрия хорошо видна по тиражам переводов и школьным программам. Схема Х. Блума, для которого канон строится вокруг одного центрального автора [13], здесь работает лишь частично. В многонациональном государстве центров оказывается несколько, и они соотнесены друг с другом не на равных условиях.

Разумеется, предложенное сопоставление не охватывает всех сторон вопроса. За его пределами осталась дореволюционная рукописная традиция Навои в среднеазиатских медресе, хотя именно она подготовила почву для советской канонизации. Отдельного разговора заслуживает и судьба наследия Навои в других тюркских культурах, где он также почитается как классик.

Таким образом, сравнение показывает, что статус национального поэта формируется на пересечении нескольких институций, и ни одна из них в одиночку его не создаёт. Критика предлагает формулу, школа её закрепляет, юбилей делает массовой, а памятники и названия вписывают её в повседневное пространство. В случае Пушкина и Навои этот набор средств в XX веке был во многом одинаковым, что объясняется единой культурной политикой советского государства.

Различия же связаны с исходным положением двух литератур. Русская культура видела в Пушкине начало и образец, узбекская видела в Навои корень и опору. Во втором случае канонизация оказалась теснее связана с проблемой национальной принадлежности наследия, и этот мотив сохраняет значение до сих пор. Предложенные параметры сравнения могут быть применены и к другим «национальным поэтам» постсоветского пространства, что и составляет перспективу дальнейшей работы.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. - 288 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
3. Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
4. Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. - 2000. - № 45. - С. 22–87.
5. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. - Т. 8. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
6. Григорьев Ап. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев Ап. А. Литературная критика. - М.: Художественная литература, 1967.
7. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. - М.: Новое литературное обозрение, 1994.
8. Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. - Т. 26. - Л.: Наука, 1984.
9. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. - Л.: Просвещение, 1981.

10. Молок Ю. А. Пушкин в 1937 году. - М.: Новое литературное обозрение, 2000.
11. Ҳайитметов А. Навоий лирикаси. - Тошкент, 1961.
12. Allworth E. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. - Stanford: Hoover Institution Press, 1990.
13. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. - New York: Harcourt Brace, 1994.
14. Guillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. - Chicago: University of Chicago Press, 1993.
15. Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. - Ithaca: Cornell University Press, 2015.
16. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. - Bloomington: Indiana University Press, 2000.
17. Sandler S. Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. - Stanford: Stanford University Press, 2004.